

После недолгого молчания Сэ Чанмин спросил:

— Почему ты сидишь на дереве?

Шэн Лююй так и не дождался ответа на свои мысли и заподозрил, что просто ослышался. Даже если бы в мире и нашлись безумцы, желающие его поймать, то лишь ради того, чтобы приблизиться к божеству. Едва ли кому-то пришло бы в голову ощипать его.

Однако для птицы не было пытки страшнее и мучительнее, чем лишиться перьев.

Воображение нарисовало слишком пугающую картину. Шэн Лююй невольно вздрогнул, но столь мимолетно, что чужой взгляд едва ли мог это уловить.

Сэ Чанмин слегка наклонил голову. Он заметил, как тонкие брови Шэн Лююя, скрытые за полупрозрачной облачной дымкой, на мгновение нахмурились — юноша явно предавался безрадостным мыслям, но тут же опомнился, точно очнувшись от тяжелого сна.

— Только что здесь читали лекцию, — неторопливо отозвался Сэ Чанмин. — Людей было слишком много. Шумно и раздражает.

Узкая тропинка вела напрямик к уединенной бамбуковой обители. Ключ от нее находился у Сэ Чанмина, а поскольку Шэн Лююй совершенно не умел ориентироваться на местности, ему пришлось ждать проводника на развилке.

И пусть в этих краях занимались ученики совсем других ступеней, стоило хоть кому-то признать в нем легендарную птицу Чанмин, как его мгновенно окружила бы праздная толпа зевак.

Судя по его недавним повадкам, юный феникс не прочь был покрасоваться своим великолепным оперением, но в то же время терпеть не мог чужого внимания и пересудов за спиной.

И если кто-то спросил бы, отчего нежелание показываться на глаза Сэ Чанмин все равно окрестил тщеславием, то это было исключительно его личное, субъективное мнение.

— Даже под чарами невидимости скрыться тяжело, когда мимо то и дело кто-то протискивается, — пожаловался Шэн Лююй.

Ему просто требовалось тихое, неприметное пристанище.

Обычный человек спрятался бы в густых зарослях у дороги, но Шэн Лююй, повинаясь птичьим инстинктам, взлетел повыше и устроился на ветке.

Сэ Чанмин до сих пор помнил его недавний облик: безмятежный, легкий, словно обретший наконец надежную опору. Юноша сидел в вышине, лениво покачивая тонкими ногами, а утренние лучи солнца причудливо переплетались с лиственной тенью, укрывая его от мира.

Сэ Чанмин зашагал вперед, а Шэн Лююй послушно последовал за ним, держась на полшага позади.

Уже на тропинке Сэ Чанмин вдруг наклонился и подобрал оброненное перо.

— Твое оперение держится так непрочно? — поинтересовался он.

Доверившись проводнику, Шэн Лююй шел следом совершенно расслабленно, витая в облаках, пока по инерции не уткнулся в спину внезапно остановившегося спутника. Услышав вопрос, он обиженно надул губы:

— Новые перья на крыльях еще не успели толком отрасти после того, как их вырвали в прошлый раз. Стоит задеть случайную ветку, и они тут же выпадают.

Сэ Чанмин не стал отдавать ему неокрепшее перышко — все равно обратно не приладишь.

За поворотом тропинка вывела их к небольшой бамбуковой обители, со всех сторон окруженной изумрудными зарослями. Неказистый домик под соломенной крышей, построенный на самом краю горного утеса, дышал древней простотой. Рядом покоился тихий пруд, сплошь затянутый цветущими лотосами, на которых лениво покачивались белоснежные цапли. Пейзаж дышал умиротворением и изяществом.

Если бы кому-то захотелось подискутировать о высоком искусстве или побеседовать о Дао, скромные комнаты ученических палат показались бы слишком тесными, общая трапезная — чересчур приземленной, а вести подобные речи прилюдно не позволяли приличия. Эта же уединенная обитель подходила идеально.

Неудивительно, что аренда стоила целый духовный камень в день — в этом даже виделось определенное изящество.

Впрочем, для обычных свободных практиков подобная цена была чистой воды грабежом.

Но Шэн Лююя это мало заботило. Будучи птицей зажиточной и привыкшей лакомиться отборными семенами семи бамбуков по сто камней за мешок, он без труда мог позволить себе любое уединение.

Что же касается Сэ Чанмина, то его пригласили в качестве наставника, так что он лишь пользовался благами роскоши, которая обычному бродячему совершенствующемуся была не по карману.

Сэ Чанмин достал ключ и отпер замок. Внутри царил аскетичный уют, однако на столах и лавках лежал приличный слой пыли — похоже, постояльцы не заглядывали сюда уже давно.

Сотворив нехитрое очищающее заклинание, Сэ Чанмин распахнул двери настежь.

Шэн Лююй вошел следом.

Они расположились у окна, выходящего на пруд. Сэ Чанмин извлек из бездонного рукава несколько тетрадей и придвинул их к ученику.

— Сегодня разберем построение массивов.

Шэн Лююй поджал губы. Он не мог различать обычные чернила на бумаге, из-за чего самостоятельное обучение оставалось для него недоступным, но все же притянул к себе тетрадь и открыл ее.

Записи разительно отличались от привычных рукописей.

Иероглифы были выведены не тушью, а тончайшими нитями духовной энергии огненного свойства. Пылающая ци не рассеивалась, благодаря чему юноша отчетливо «видел» очертания знаков и схемы массивов по тончайшей разнице температур.

Такой способ казался простым лишь на словах, на деле же он требовал безукоризненной, ювелирной точности в управлении духовной силой. Малейшая оплошность — и бумага мгновенно обратилась бы в пепел.

Шэн Лююй, не подозревая о подобных тонкостях, с искренним восторгом листал страницы, которые наконец поддавались его восприятию.

— Почему она такая тонкая? — полюбопытствовал он. — Общие учебники, что нам раздали, куда толще.

— Тебе ни к чему забивать голову лишними сложностями, — ответил Сэ Чанмин.

Шэн Лююй лишь вопросительно изогнул бровь:

—?

Ожидать от капризной Маленькой птицы Чанмин кротости прилежного ученика, который безропотно внимает каждому слову наставника, явно не приходилось.

Поэтому Сэ Чанмин снисходительно пояснил:

— Искусство создания магических построений издревле считалось сложнейшей из дисциплин. Даже базовый курс таит в себе немало преград. Половина узоров в академических свитках приведена лишь для расширения кругозора. Задачи по ним слишком трудны для годового испытания, большинство адептов попросту их проваливают, а значит, в билетах их точно не будет.

Шэн Лююй лениво подпер подбородок тыльной стороной ладони и с величественной снисходительностью кивнул.

По его отрешенному лицу было заметно: он воспринимает слова наставника не как сухую лекцию, а скорее как занимательную сказку на ночь.

Сэ Чанмин мысленно вздохнул. Прежде ему не доводилось никого наставлять. Сам он постигал любые тайные искусства самостоятельно и никогда не считал преподавание тяжким трудом. И хотя в стенах академии ему встречались нерадивые ученики, он до сих пор не осознавал до конца, насколько редким даром обладает сам.

Раз уж сказка началась, следовало дорассказать ее до конца.

— Если исключить пустую теорию, останется лишь половина объема, — продолжил Сэ Чанмин. — В этой же тетради собрана едва ли четверть от общего курса. Те схемы, что сюда не вошли, экзаменатор почти наверняка обойдет вниманием.

Шэн Лююй сменил позу, на этот раз подперев щеку ладонью. Его пальцы, полуприкрытые полупрозрачным шелком облачной дымки, слегка согнулись. Тонкие кончики пальцев отливали нежным розоватым оттенком.

— И почему же? — спросил он.

— Наследие учителя, законы его ордена и весь жизненный путь неизбежно накладывают отпечаток на каждый его поступок, — пояснил Сэ Чанмин. — Исключений здесь нет. К примеру, Истинный человек, курирующий ваш поток, враждует со старейшиной, который прославился созданием массивов поиска духовной энергии. Разумеется, он не станет давать на экзамене вопросы по этой теме, да и на лекциях касается ее весьма неохотно.

Разумеется, за этими доводами стояли не праздные догадки. Сэ Чанмин тщательно изучил свитки с прошлыми испытаниями в архивах академии. И хотя экзаменационные задания из года в год разнились, его выводы раз за разом находили подтверждение.

Шэн Лююй на мгновение задумался, а затем негромко спросил:

— Но ведь то, что мы пропускаем, не бесполезно?

— Если твоя цель — успешно сдать итоговую проверку, этих знаний хватит с лихвой, — отозвался Сэ Чанмин.

И тут же добавил:

— К тому же тебе эти узоры все равно без надобности. Разве ты не сам говорил, что тебе и карта не нужна, чтобы отправиться куда угодно, ведь рядом всегда найдутся помощники?

Эти слова Шэн Лююй бросил в пылу ссоры с господином Сюем, и Сэ Чанмин слишком поздно сообразил, что выдал себя. Он ожидал, что капризный юноша вспылит и обвинит его в подслушивании, но тот, казалось, даже не обратил внимания на оговорку.

Шэн Лююй лишь опустил голову и едва слышно прошептал:

— Я тоже хочу...

— Что ты хочешь? — переспросил Сэ Чанмин.

Шэн Лююй отвернулся к окну. Его взгляд, скрытый плотной вуалью, скользнул по водной глади и замер на белоснежных цаплях.

Помолчав немного, он качнул головой и тихо проронил:

— Ничего. Ты прав.

Сэ Чанмин понимал, что эти слова были неискренними.

Должно быть, маленькая птица Чанмин мирилась с чужой помощью лишь из-за своего недуга. Лишенный зрения и слуха, он избегал шумных сборищ, терпеть не мог навязчивого внимания и не держал слуг в своем поместье — его единственными безмолвными собеседниками оставались призрачные фантомы, рожденные из перьев его же хвоста.

Возможно, глубоко в душе он тоже мечтал взмыть в небо и отправиться в неизведанные края, а не томиться в тихой золотой клетке.

Уставшие птицы спешат к гнезду, но молодым и полным сил птенцам суждено расправить крылья и улететь за горизонт. Им предстоит увидеть иные земли, отведать диковинных плодов, и даже если те окажутся горькими на вкус, со временем память превратит эти мгновения в бесценные сокровища юности.

Точно так же Сяо Тумао, примостившись на плече у Сэ Чанмина, порой макал лапки в тушь и оставлял на бумаге следы — указывал на места, которые мечтал посетить.

Сэ Чанмин заменял птенцу крылья, глаза и уши; он был его защитой, его живой книгой знаний, его кормильцем и тем самым могучим деревом, в ветвях которого всегда ждало безопасное и теплое гнездо.

Однако Сэ Чанмин не стал беречь душу собеседника. Он сделал вид, будто поверил безобидной лжи Шэн Лююя, и, закончив с объяснениями, вернулся к прерванному уроку.

Пожалуй, благодаря тому, что это было лишь первое их занятие, Шэн Лююй выказал на удивление много терпения и прилежания.

Когда они одолели добрую половину учебника, солнце уже клонилось к закату. Сэ Чанмин отметил ключевые схемы, которые следовало заучить наизусть, и принялся собирать книги.

Он намеревался проводить не умеющего ориентироваться юношу до широкой дороги, но Шэн Лююй покачал головой, заявив, что желает еще немного побыть у пруда и полюбоваться лотосами.

Сэ Чанмин не стал расспрашивать, как именно его слепой ученик собирается «любоваться» цветами. Он лишь спросил:

— Ты найдешь дорогу назад?

— Да, — ответил Шэн Лююй.

Оба они держали путь на пик Зеленого Пришествия, но уходить вместе не собирались, да и тропы наверняка выбрали бы разные.

Они не были попутчиками.

Когда Сэ Чанмин вернулся во Двор Ясной Луны, сумерки еще не успели опуститься на землю. Летние дни тянулись бесконечно долго, и даже мощные морозные массивы, окутывавшие обитель зимней прохладой, были не властны над движением солнца.

Вдруг у самого окна послышался легкий шорох. С неба спустилась вестница — сложенная из бумаги ласточка — и опустилась на подоконник.

Такие послания отправляли лишь в случаях крайней спешки.

Сэ Чанмин развернул записку. В ней коротко сообщалось: глина Освещения Мира Бошань наконец найдена и будет доставлена в академию Лулинь со дня на день.

<http://bllate.org/book/18249/1750610>